

Игорь Рабштейн

**ПЫЛЬ
ДОРОГ**

Стихи

Русское эхо
2021

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Р 12

*Автор выражает сердечную
признательность администрации
АО «ТЯЖМАШ» и лично
Генеральному директору завода
Андрею Фёдоровичу Трифонову,
без помощи которого
не состоялась бы эта книга*

Рабштейн И.Д.

Р 12 Пыль дорог: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2021. — 94 с.

ISBN 978-5-9938-0039-4

В третью книгу сызранского поэта Игоря Рабштейна вошли стихи, написанные им за последние десять лет. Среди них стихи в жанре любовной, гражданской и религиозной лирики.

ISBN 978-5-9938-0039-4

© Рабштейн И.Д., 2021.

ХРАМ ДУШИ

Я в храм своей души не каждого впускаю,
Зато открыта всем часовенка стихов,
Там, за дверьми её, сумятица стихает
И слышен ветерок, струящийся с лугов.

Прохладой веет там, и в окна солнце светит,
И можно различить шум улиц городских.
Покинутость свою на «маленькой» планете
Поможет ощутить вам мой негромкий стих.

Но он утешит вас, любовью согревая,
Не может про любовь не написать поэт,
К вам упадёт в ладонь ромашка полевая,
И в сердце вслед тоске затеплится рассвет.

БУКВА «Р»

Я с буквой «Р» давно на ты,
Давно запанибрата.
Сей буквы милые черты —
Моей душе отрада!
Моя фамилия на «Р»,
«Р» в имени есть тоже,
И даже в слове СССР,
Чем «Р» ещё дороже!
Но если б я картавить стал,
Да хоть бы шепелявить,
Я б русским быть не перестал,
Хотя к чему лукавить?
Моя фамилия Рабштейн,
Но мыслю я по-русски.
Студентом пил, как все, портвейн
В подъезде без закуски.
И сало с водочкой порой —
Лечебный «Ерофеич»...
Да мой любимейший герой —
Иванушка Царевич!
А впрочем, что тут говорить,
Впустую распинаться!
Мне повезло в России жить
И русским оставаться!

КРЕДО

Я кастрюлю на десять литров
Не спеша сполосну и вытру.
Я воды разогрею вдоволь
И, дождавшись пока вскипит,
Положу я в неё акрополь
И какой-нибудь нищий скит,
Веру в счастье, осколок солнца,
Отражение луны в воде,
Где-то найденных три червонца,
Зёрна в вспаханной борозде.

Не свершённую мной победу
Обязательно положу
И, конечно, немного бреда...
Позже — тщательно остужу...
И в заваренном том бульоне
Методично, за разом раз,
Добывать буду свой плутоний
Из рифмованных терпких фраз.
Пусть всё это в порядке бреда
И кастрюля жирна от щей!
В том бульоне родится кредо,
Словно камень в тугой праще.

НЕУЖЕЛИ

Неужели бездны не глубоки?
Неужели звёзды не яркие?
Неужели так бездарны строки,
Что кружились, словно ветерки?

Неужель поверхностны страдания,
Что приносят истинную боль?
Неужели тяга к созиданию —
Только отблеск «хмари голубой»?

Неужель мечтанья мимолётны,
Неужель любовь — самообман?
Неужели автор искромётный —
Только лишь подёнщик-графоман?

Неужели, люди, неужели
По душе вам серый полумрак?
Или души ржою порыжели
И важнее рынок и кабак?

Неужели мелкое и злое
Победит высоких чувств полёт?
Ведь живём мы все не в мезозое,
Где важнее кто кого сожрёт!

Верю я, что бездны дна не знают,
И уверен: звёздам нет числа!
Если боль сердца ещё пронзает —
Мир наш грешный красота спасла!

ДЕТСТВО

Ясноглазое, конопатое,
Солнцем полное до краёв,
Детство, детство моё крылатое,
Ты приходишь ко мне из снов.

Невозвратное и прекрасное,
В даль иную зовёшь, маня.
Я же горькую зрелость праздную,
Не отпустит она меня...

Улыбаясь, без осуждения
На прощанье рукой махнёшь,
И рассеется наваждение,
Словно летом случайный дождь.

Только в памяти белым облаком,
Укрывая меня от зла,
Будут грезиться сладким мороком
Два утерянные крыла...

ДУША

Когда твоя душа больна,
Когда дышать и думать трудно,
Свой якорь подними со дна
И в море правь скорее судно.

К далёким светлым берегам,
Туда, где беды не догонят.
Туда, где зелены луга,
А на лугах резвятся кони.

Там и зелёные леса,
Что сенью вмиг тебя укроют,
И птичьих трелей голоса
Больную душу успокоят.

Но если нету корабля,
Счастливый берег недоступен,
Не ждут нас дальняя земля,
Луга, леса и трели вкупе,

Тогда иди спокойно ты
В библиотечные хоромы,
Там вспомнишь все свои мечты
И чувство сладостной истомы.

Твоя усталая душа
Там воспарит хоть ненадолго,
И ты над книгой, чуть дыша,
Почувствуешь дыханье Бога!

Найти ты в книге сможешь всё:
Далёкий берег, море, скалы.
И утешенье принесёт
Она твоей душе усталой!

ПРОСТИТЕ!..

Не снятся нам руины городов,
Бомбёжки нам не видятся в кошмарах,
И не найдётся в мире нужных слов,
Чтоб рассказать о взрывах и пожарах!

Не можем мы, не знавшие войны,
Представить то, что пережили деды,
Нам мирные ночами снятся сны,
И ужас снов военных нам неведом...

Всё меньше тех, кто на своих плечах
Под Сталинградом, в рукопашных схватках
Победу нёс, «За Сталина!» крича,
Кровь проливая на тутую скатку.

Всё меньше их, а те из них, кто жив,
Завидуют себе позавчерашним.
В эпоху грязной, лицемерной лжи
Утратить память гибельно и страшно.

Не дай нам Бог вчерашний день забыть,
Порвать с былым связующие нити!
И остаётся голову склонить,
И ветеранам вымолвить: «Простите!..»

ПОД КОЛЮЧКОЙ

Ты пролезь, сыночек, под колючкой,
Может быть, в деревне подадут...
Чтоб не расстреляли за отлучку,
Там — нога одна, вторая — тут!

В прошлый раз, ты помнишь, повезло нам:
Ты принёс два чёрных сухаря,
Бог поможет, повезёт нам снова,
Ты в деревню сбегаешь не зря...

И сестрёнка, может быть, дождётся,
Может, раздобудешь молока.
Вот она — то плачет, то смеётся,
И в себя всё не придёт пока...

Торопись, сыночек мой, не мешкай,
Вон на вышке зазевался фриц.
Пробирайся мелкой перебежкой,
Если что — ложись на землю ниц!

Ты за всё прости меня, сыночек,
И позволь тебя перекрестить,
Постарайся выжить этой ночью,
Бог беды не должен допустить.

Ну а если, если не вернёшься,
Ты себя, сыночек, не вини!
Может быть, до наших доберёшься,
Бог поможет — выживем одни...

И, колючку приподняв рукою,
Спешно сына в лоб поцеловав,
Стала на мгновение другою,
Будто неким светом воссияв.

Лишь луна безмолвно наблюдала
Из-за туч, гонимых ветерком,
То, как безутешно мать рыдала
И мальчишка двигался ползком...

ВETERАНЫ

Мы стоим, стоим неровным строем.
Еле слышно звякают медали...
Наше дело, как всегда, простое:
Мы присягу Родине давали!

Мы присягу Родине давали!
Остальное, в сущности, не важно.
Еле слышно звякают медали...
Нам давно уж ничего не страшно!

Нам давно уж ничего не страшно!
Только горько, нестерпимо горько...
Остальное, в сущности, не важно,
Сколько сможем, выдержим мы стойко!

Сколько сможем, выдержим мы стойко,
Нашим редким и безмолвным строем...
Только горько, нестерпимо горько:
Что ж так мир несправедно устроен?!

Что ж так мир несправедно устроен,
Что о прошлом исчезает память?
Наше дело, как всегда, простое:
Родину в несчастье не оставить!

Родину в несчастье не оставить,
Внукам передать своё служенье.
Чтоб жива была, как прежде, память,
Чтоб страна не канула в забвенье!

ОБЛАКА

Моя последняя заря,
Рассвет лилово-розоватый,
Клубятся облака, как вата,
Над нашим лагерем паря.

Они, как будто стая птиц,
Кружат, кружат, не улетаю,
Но наконец уже светает,
И к нам подходит хмурый фриц...

Он что-то тихо говорит.
Немолод он и весь простужен,
Мы, босые, бредём по лужам,
И солнце, как пожар, горит.

Нас всех ведут на эшафот,
Чтоб наказать за ослушанье,
И полосатых роб шуршанье
Как будто в воздухе живёт.

Вокруг живые мертвецы.
Овчарок лай притих внезапно.
К нам тянет смерть из петель лапы,
Чтоб взять нас крепче под уздцы.

А где-то, где-то далеко
За страшной проволочной сетью
Так сладко было жить на свете,
Бездумно, счастливо, легко!..

На нас взирают сотни глаз —
Почти ослепшие калеки.
Простимся с ними не навеки,
Они ещё догонят нас!

Мы на ногах ещё стоим.
И, видя облаков паренье,
Мы ощущаем единенье,
Ведь всё ещё солдаты мы!

И мы глядим на облака,
Как будто к небу поднимаясь,
Глядим, чему-то улыбаясь,
Вот-вот достанет их рука.

Прощайте ж, но не навсегда,
Мы облаками к вам вернёмся
И чистым дождиком прольёмся,
Как эти белые стада...

Прощайте ж, но не навсегда!..

КРОШКИ

Мы стряхиваем крошки со стола
Небрежно, машинально и бездумно.
Мы в этом не усматриваем зла.
Что ж, по закону это не преступно.

Но если бы лет семьдесят назад,
А лучше лет на пять ещё пораньше,
Попали мы в блокадный Ленинград
Иль в сорок первый под Москву на марше...

Все знали цену крошкам на войне,
Никто не смел их стряхивать бездумно!
И это жизнь спасло тебе и мне,
Хотя поверить в это нынче трудно!

Так почему ж мы ценим хлеб тогда,
Когда страну охватывает лихо,
И в час беды, как в прежние года,
Становится сладчайшим хлеб со жмыхом?

ВЕЧЕРЯ

Преломлен хлеб, светильники зажжены,
В Граале рдеет, словно кровь, вино.
Мессия, в омут мыслей погружённый,
В задумчивости впери́л взор в окно.

Апостолы замолкли в созерцанье,
Усталые и под хмельком чуть-чуть.
Светильников тревожное мерцанье
Как будто предвещает крестный путь.

Но за окном пока ещё спокойно,
Ещё Петру не прокричал петух,
Хор плакальщиц, неистовый, нестройный,
Не ужаснул своею скорбью слух.

Предательство не свершено покуда,
Серебряники не звенят в мошне,
Ещё сидит среди других Иуда,
Скрывая взгляд в нависшей тишине...

Рассвета ждут цветущие оливы,
Молитв Христовых Гефсиманский сад...
Дрожит меноры* пламя сиротливо
Под пение стрекочущих цикад.

Но время скорби — вот уж, на пороге,
И Божий промысел не отменить...
И очень скоро о воскресшем Боге
В молитвах будут люди говорить!..

* Менора — букв. — «светильник», семирожковый светильник или подсвечник на семь свечей (семисвечник).

ИЕРУСАЛИМ

*Тьма, пришедшая со Средиземного
моря, накрыла ненавидимый
прокуратором город.*

Михаил Булгаков.
«Мастер и Маргарита»

Здесь ночи душны и недужны
И звёзды не радуют глаз.
Взирают они равнодушно
С полночного неба на нас.

Вокруг тишина роковая
Нависла под гнётом времён,
Как будто печаль вековая
Стустилась, как имя имён.

Морская волна с неохотой
Ласкает прибрежный песок.
Весь мир в ожиданье чего-то,
Чему не пришёл ещё срок.

Опять наступает суббота,
Но праздник давно уж не тот...
Когда ж на осле сквозь ворота
Он в город, как прежде, войдёт

И всех, улыбаясь открыто,
Согреет вселенским теплом?
...Водой сквозь худое корыто
Две тысячи лет утекло.

Вот время рассвета настало,
И город опять пробуждён.
Голгофа в лучах воссияла,
Где был Он к кресту пригвождён.

Когда же на нас Он воззрится,
Сойдёт, чтоб уверовать нас.
Но время, как прежде, сочится,
А Он всё никак не воздаст!..

У ПОДНОЖИЯ

*Что же изменилось в сей обители
за столетия? Но, видно, неспроста
снова смотрят прежние мучители
снизу на распятого Христа.*

Герман Соколов

Над Голгофой побледнели тучи.
Ветер смолк, разбрёлся весь народ.
И несмелый тонкий солнца лучик
Чуть прорезал серый небосвод.

Три креста остались на вершине.
И примерно с дюжину солдат
Расходиться вовсе не спешили:
Мёртвых приказал стеречь Пилат

От живых, что ходят где-то рядом.
Молча у подножия крестов
Встали, будто траурным отрядом,
Те солдаты, не сходя с постов.

Каждый час мучительно тянулся
В мути предвечерней духоты,
Вдруг один солдат чуть улыбнулся,
Взгляд свой снизу кинув на кресты.

А потом внезапно в страхе вскрикнул —
Все солдаты посмотрели вверх
И узрели, как распятый вскинул
Руку к небу, осеняя всех...

И мгновеньем позже разбежались,
В ужасе присягу позабыв.
И в улыбке горькой губы сжались,
Что-то прошептав и всех против...

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУИ

Когда струи серебряно-хрустальной
Касаюсь я, ладони поднося,
Я частью становлюсь великой тайны,
Что ни забыть, ни разгадать нельзя!

И, пригубив из сложенных ладоней,
Как жизнь саму, глоток живой струи,
Я чувствую: душа поёт и стонет —
И отступают горести мои.

И благодать, струясь, в меня втекает,
Как будто миро. И по волшебству,
И время, и пространство рассекая,
Я словно приближаюсь к Божеству!

Тысячелетья преодолевая,
В меня теченье Иорданских вод
Вливается, мне годы продлевая,
Оберегая душу от невзгод.

ВЕРЁВКА

Он стоял под кривою осиной,
Ветер листьями в кроне шуршал.
Небо серою рваной холстиной
Тяжелело над ним не спеша.

Предвечерней густеющей кровью
Наливался зловеще закат.
И, отравленный Божьей любовью,
Он шептал: «Виноват, виноват!»

Зарыдал. Только слёз искупленья
Он дожидаться, к несчастью, не мог.
И нелепой изломанной тенью
Мгла, стущаясь, ложилась у ног.

Мир огромный вдруг начал сужаться,
Стихло всё, даже ветер в листе.
И безумным отчаянным танцем
Ужас взвился в его голове.

А потом, как в бреду, он неловко
На осину взобрался, кряхтя,
И в руках оказалась верёвка:
Сколько надо — четыре локтя.

ПО БИБЛИИ

Нам жизнь даётся одинаково,
А удаётся всем по-разному.
От Аврама до Иакова
Мы все библейской притчей связаны...

Роднит нас всех грехопадение,
А различает покаяние,
Хотя любому провидение
Готовит в жизни испытания...

Все наши судьбы предначертаны,
Но есть всегда свобода выбора.
И, вечно занятые чем-то, мы
Порой идём дорогой Ирода.

Не убиваем пусть младенцев мы,
Но грань тонка до удивления.
И жизнь мудрёными коленцами
Толкает к выбору решения.

Идут века, тысячелетия,
А жизнь мы меряем по Библии.
Как прежде, жизнь — трагикомедия,
И остаётся всё незыблемо...

ЧЕРНОВИКИ

*А теперь я долго, просто
жду мгновения, когда
так: не с ходу и не с маху, —
утешеньем за грехи, —
тихо лягут на бумагу
беззащитные стихи.*

Роберт Рождественский

Не часто, иногда приходит время:
Мне память открывает тайники,
И я, себе в который раз не веря,
Листаю вновь свои черновики.

Шуршат листы желтеющей бумаги,
Чернила начинают выцветать;
Сквозь тишину поскрипывают лаги,
Я погружаюсь в прошлое опять...

Наивные, восторженные строки
В потоке лет — как будто островки.
В пенящемся безжалостном потоке
Не затерялись жёлтые листки.

Мои стихи, что мной почти забыты,
Меня тревожат, юностью пьяня.
Из сплина удушающего быта
Я в прошлое вернусь хоть на полдня!

Я вырвусь, изодрав лицо и плечи,
Превозмогу законы бытия,
К истоку доберусь дорогой млечной,
Где юности хрустальная струя.

И, окунувшись, в тех заветных водах
Утерянную благодать обрету,
И смою боль, что накопил за годы,
И вновь поверю в давнюю мечту!..

И снова «тихо лягут на бумагу»,
Как некогда, наивны и легки,
Стихи мои. Из глаз сочится влага.
О, милые мои черновики!

РИФМЫ

Сачком причудливым легчайшим
Я рифмы, словно мотыльки,
Ловлю в безмолвии звенящем,
Как гаснущие огоньки.

Они, как будто всплески света,
В моих пульсируют руках,
В биенье сердца, что согрето
Дыханьем тёплым ветерка.

Все образы, цвета и звуки,
Луч солнца, ветер, облака
Легко, любовно, без натуги
Вместит в себя моя строка.

Одна, вторая... Понемногу
Они заполнят гладь листа,
Чтоб отразить мою дорогу,
Что непряма и непроста.

А может, чтоб меня утешить,
Ложатся строки на листок,
Чтоб сдуть печаль дыханьем свежим,
Задать судьбе иной виток.

В СРЕДОСТЕНИИ*

В поэзии моей, как в средостении,
Пульсируют сосуды, сердце бьётся.
И каждое моё стихотворение
В читателе, я верю, отзовется!

Как будто эхо, будто наваждение,
Не сразу, ненавязчиво, негромко
Сверкнёт хотя б одно стихотворение
Вдруг искоркой в сознании потомка!

* Средостение — центральное пространство грудной клетки между двумя плевральными полостями.

СТРОКИ

Идеальные строки,
Где мне вас отыскать?
Драгоценные крохи
Запишу я в тетрадь.

Я на диске на жёстком
Сохраню то «чуть-чуть»,
Что бывает неброско
И подвижно, как ртуть.

Запишу, как сумею,
Как сумею, пойму.
Строки — вёртки змеи,
Не подвластны уму!

Ум бывает бессилён,
Только сердце поймёт,
Что, быть может, Россия
В этих строчках живёт!..

Ширь равнины печальной
И берёз белизна.
Точность рифмы случайной,
Сладость ночи без сна...

Трав чуть слышимый шёпот
И дыханье весны,
Горький жизненный опыт,
Полудетские сны.

Прошлых лет отголосок
И грядущего зов,
Неудачный набросок,
Бой настенных часов.

Всё вместит, всё впитает
Строк бегущая вязь.
В поднебесье витает,
С ним даруя нам связь...

РИФМОВАННЫЕ СТРОЧКИ

Я за рифмованные строчки
Хватаюсь, как за валидол,
Чтоб довести строку до точки.
А после можно бросить в стол.

Неважно, раньше или позже
Стихи отправятся в печать —
Не отдавали б строки ложью.
Как после совесть очищать?

Как после жить, осознавая,
Что ложь сочится между строк?
Ведь всё пройдёт, лишь слава злая
Останется на долгий срок.

Неискренность всегда заметна —
Глаз режет, как бурьян во ржи.
И ради торжества момента
Недопустима капля лжи!

Поэзия быть может разной,
Но честной быть всегда должна,
Пусть даже в чём-то несурзной,
Но важно, чтобы правдой жгла!

Зачем же гнаться за успехом
И в строчках лгать, кривя душой?
Ведь грянет позже громким эхом
Вся ложь твоя в строке чужой!

ПОЭЗИЯ

Поэзия — спрессованная проза,
Порою строчка стоит трёх романов!
Она рождает радость, боль и грёзы,
Пигмеев поднимая до титанов!

Одна строка таит в себе порою
Любовь и смерть, трагедию и счастье.
Вот так за поэтической строкою
Всё прочее теряется отчасти.

Я не хочу обидеть доброй прозы:
Она согреет душу в час печали,
Но стихотворных строк метаморфозы
Меня порой сильнее впечатляли...

А впрочем, мне ли рассуждать об этом?
Кто дал мне право ставить многоточья?
И стал ли я воистину поэтом
Лишь оттого, что сердце кровоточит?

ДОРОГА

Я ритм ловлю в колёсном перестуке
И в шуме ветра музыку ищу,
Меня пьянят и будоражат звуки.
Вот камень, покидающий пращу,
Чей тонкий свист меня переполняет;
Вдруг — звук иной, и слышен вой гиен!
Мы тормозим, и стук колёс стихает,
И тишина нас забирает в плен...
Но он недолог, две иль три минуты,
И ветра шум, и стук колёс сильней,
И тишины разорванные путы
Не властны над мелодией твоей!..
Я наслаждаюсь музыкой дороги,
И пусть слышны в ней крики воронья,
Зато опять во мне родятся строки
Как оправданье завтрашнего дня!

МОСТОК

Отпусти меня, прошу, отпусти,
Отпусти меня, тревога-тоска,
Не грусти, душа, прошу, не грусти,
Не скрипите же, перильца мостка!

Этот шаткий, перекошенный мост,
Что давно связал ущелье времён,
Будто в прошлое меня перенёс,
И я памятью своею пленён...

Отпусти меня, прошу, отпусти,
Отпусти меня, тревога-тоска,
Не грусти, душа, прошу, не грусти,
Не скрипите же, перильца мостка!

Озарён я детских лет волшебством
И любовью той далёкой согрет.
Ностальгия, ты моё божество!
Ничего светлее памяти нет!

Отпусти меня, прошу, отпусти,
Отпусти меня, тревога-тоска,
Не грусти, душа, прошу, не грусти,
Не скрипите же, перильца мостка!

Оттого-то мне бывает больней
Возвращаться в этот мир, что жесток,
Не забыть мне давних солнечных дней,
Так скрипи же, не ломаясь, мосток!

Отпусти меня, прошу, отпусти,
Отпусти меня, тревога-тоска,
Не грусти, душа, прошу, не грусти,
Так скрипите же, перильца мостка!

РАЗГОВОР С ВЕТРОМ

Гуляю. Мне ветер навстречу по улице.
Вокруг меня листья опавшие кружатся,
От ветра деревья безвольно сутулятся,
И рябью покрыты промозглые лужицы.

Бросая мне под ноги золото осени,
Мне ветер вещает: «Пора успокоиться.
Видны на лице и морщины, и оспины,
Ведь знаешь, мой друг, не случайны пословицы.

Ты сам понимаешь — нам осень подарена
Не только в укор, но ещё в утешение».
На стёклах оконных осела испарина:
«Приходит пора подсчитать прегрешения...

Приходит пора об итогах задуматься
И камни собрать, что разбрасывал ранее.
А что не сбылось, то теперь вряд ли сбудется,
Пора бы уже позабросить старания.

Смирись, успокойся, считай накопления,
Пусть «племя младое» стремится к свершениям...»
Но тут разгибаю больные колени я —
От осени я не хочу утешения!

— Нет, ветер, резоны твои не приемлю я,
Хотя сединой голова припорошена.
Стремленья важнее, чем все накопления.
Покой для уставших — чего в нём хорошего?!

Мечты в нашей жизни, наверное, главное,
А также любовь, и мне это не кажется.
А осень — спокойная, тихая, славная —
С моим представленьем о жизни не вяжется!

Тебе ли мне, ветер, покой проповедовать?
К чему красноречье впустую растрачивать?
И ветер умчался другому советовать,
Его, как дитя в колыбельке, укачивать.

А я пошёл дальше, шурша тихо листьями,
Шагал, не спеша, на колени всё сетуя.
Меня восторгала избитая истина:
Душа не стареет, любовью согретая!..

* * *

Я так хочу не думать ни о чём,
Забуть свои печали и тревоги,
Чтоб добрый ангел за моим плечом
Вновь подарил надежду мне в дороге.

Я так хочу вновь обрести покой,
Утерянный, казалось бы, недавно,
Чтоб жизнь текла широкою рекой,
Размеренно, неторопливо, плавно...

Я так хочу поверить вновь в мечту,
Которая почти уже забыта,
Мечту о том, что всё-таки прочтут
Потомки неизвестного пиита!

Я так хочу не думать ни о чём,
Да только вряд ли это всё возможно...
И добрый ангел за моим плечом
В безмолвии нахмурился тревожно...

НОЧЬЮ

Я помню: летней давней ночью,
Тягучей, стылой, бесконечной,
Мне разрывала сердце в клочья
Боль, что, казалось, длилась вечность.

Обида, как иглой, пронзила,
Тоскою в сердце отдавалась,
И было мне невыносимо,
Ночь бесконечною казалась...

А я устал, устал от боли —
Тупой, щемящей, нестерпимой, —
А лунный свет ласкал обои,
Касаясь их рукой незримой.

Он одеяло и подушку
Чуть задевал своим потоком.
И боль, недобрая подружка,
Уже была не столь жестока.

Она дворнягою скулящей
Хвост виновато свой поджала,
И будто в тишине звенящей
Струна чуть слышно задрожала.

Струною той был луч прохладный,
Чей голос тоньше плача скрипки,
И боль сказала тихо: «Ладно!»
И собрала свои пожитки.

А луч по-прежнему струился,
Всё наполняя лунным светом,
И звук волшебный прекратился.
А может, мне приснилось это?..

А может, не было той боли,
Волшебной музыки и света?
Но это не играло роли
Той ночью на исходе лета...

МЕЧТА И СОВЕСТЬ

Есть вещи, за которые мне стыдно.
И этот стыд останется со мной.
Мне совесть шепчет по ночам ехидно:
— Ну, что, тебе не спится, мой родной?..

Да, мне не спится. И, увы, всё реже
Я сплю спокойным, безмятежным сном.
А раньше мне хватало веки смежить,
Едва прилечь, в подушку ткнувшись лбом.

Всё это было, всё когда-то было,
А ныне жизнь, увы, совсем не та.
В ночную мглу уставившись уныло,
Сидит на подоконнике мечта.

Сидит мечта, неподалёку совесть,
А третий — я. И ночи края нет...
Вот так, впотьмах близости устроясь,
Мы, каждый, ждём — когда придёт рассвет.

Его всё нет. Нас ночь переполняет
Уньнием и тягостной тоской.
И совесть мне опять напоминает:
— Ну, что, тебе не спится, «дорогой»?..

Взгляд отвожу, опять молчу привычно,
Хотя мне есть что возразить в ответ.
Ночь тянется, как будто безгранична,
Ах, где же ты, мой розовый рассвет?!

Но вот мечта внезапно оживилась,
И первый запоздавший солнца луч
Моей душе оказывает милость,
Пронзая пелену свинцовых туч.

Тут совесть милосердно затихает,
Держась невдалеке настороже.
И новый день в который раз спасает
Мечту мою о новом рубеже!

Мечту, что с детства каждый день со мною,
Хоть я о ней нередко забывал...
Я виноват пред собственной мечтою,
Но веру я в неё не потерял!

ПОЗАБЫВ

*И качнутся бессмысленной высью
Пара фраз, залетевших оттуда...*

А. Вознесенский

В час, когда я достигну последних пределов,
И, к несчастью, увижу потухшей свечу,
Огляжу круг друзей я моих поредельй,
Не уйду, не погасну, а тихо взлечу.

И, пронзая просторы немислимой выси,
Покидая без грусти земную юдоль,
Окрылённый свободой, отринув все мысли,
Я забуду печали, страдания, боль.

Словно птица, паря в облаках невесомых,
Наслаждаясь свободой, пусть не на земле,
Позабуду я всех — и родных, и знакомых,
Позабуду я всё, что так дорого мне.

И тебя, что казалась мне жизни дороже,
Позабуду. Ведь память мешает лететь...
В небесах вспоминать про былое негоже,
Вот к чему призывает небесная твердь.

Так, забыв всё земное, взлетая всё выше,
Я в небесном эфире почти растворюсь,
Но в последний момент я твой голос услышу,
И к тебе в тот же миг с поднебесья вернусь!

РОЖИЦА

В душе моей двоится всё и множится.
Раздрай такой, что сам не разберу.
Из зеркала, кривляясь, смотрит рожица,
Дурацкая — от хохота помру.

Седая и, пожалуй, чуть помятая.
Гляжу и сам себя не узнаю...
Каких-то двадцать лет назад с ребятами
Мы прожигали молодость свою.

Грядущее нам мнилось далью светлою,
А оказалось всё весьма сложней.
А впрочем, на судьбу свою не сетую,
Давно пора уж примириться с ней...

Давно пора, да вот не получается,
А в результате — кризы и хондроз.
Причин бывает много, чтоб отчаяться.
Увы, всё меньше повода для грёз.

Не знаю, как судьба в дальнейшем сложится,
Одно лишь знаю я наверняка:
Забавная, причудливая рожица
Ещё покажет кончик языка...

ОПОЗДАЛ

Я всюду опоздал, меня опередили.
Должно быть, у других везде и всюду блат.
Все помыслы мои они предвосхитили.
Ах, если бы я знал, кто в этом виноват!

Чем не достоин я быть в чём-то самым первым?
Не в крупном, ну, пускай, в каких-то мелочах...
Терплю я много лет, сдавать уж стали нервы.
Надежды юных дней костёр почти зачах...

Ньютон, Шопен, Рембрандт и прочие другие
Успели всё открыть, извлечь, изобразить.
А что поделать мне, скажите, дорогие?!
Как с пользой свой талант сегодня применить?..

Что дальше рассуждать? Я просто опоздавший,
Задолго до меня все заняты места.
Так кто же виноват, что я, никем не ставший,
За будущий успех бороться перестал?..

СОВСЕМ НЕДАВНО

Мне было двадцать пять совсем недавно,
Тридцатка пробежала — не догнать,
И сорок лет вдруг канули бесславно,
И вот уж проскочили сорок пять!

Зачем года, набрав такую скорость,
Бегут вперёд, растрачивая жизнь?
И юные так догоняют споро,
На пятки наступают, что держись!

И мчимся мы, годов не замечая,
Не в силах хоть чуть-чуть замедлить бег,
Инсульты да инфаркты получая,
Нередко без надежды на успех.

Так хочется хоть раз остановиться,
Взглянуть вокруг, присесть, передохнуть,
Но нет, наш бег всё время будет длиться,
Пока не кончится нам отведённый путь.

Всё на бегу — женитьба и карьера,
Всё на бегу, порою как в бреду,
И мы бежим, утрачивая веру,
Предчувствуя грядущую беду.

Нас пожирают мрак бесцветных буден
И череда бесцветных серых лет,
Неужто мы мечты свои забудем,
Навеки окунувшись в беспросвет?

Но всё ж бывают редкие мгновенья,
Что в памяти своей оставляют след,
Когда в бесперспективной схватке с тенью
Хоть ненадолго побеждает свет!

ВАЛТОРНЫ

Завяли чувства, мысли не проворны,
Но, будто по привычке, иногда
В ночной тиши мне слышатся валторны.
И дарит свет заветная звезда!

Ещё меня порою вдохновляют
Ночная тишина и лунный свет,
И в серость буден мне судьба вкрапляет
Воспоминанья — юности привет!

Я будто ненадолго пробуждаюсь,
Пишу стихи, страдаю и люблю.
И снова в чувствах искренних нуждаюсь,
И Бога вновь о счастья молю!

А главное — в возможность счастья верю,
Оно меня не может обойти.
Я будто забываю про потери,
Что повстречал на жизненном пути.

Нелёгко путь, но я иду упорно.
И вижу я в конце тоннеля свет.
Мне слышатся заветные валторны,
И сердце бьётся как в семнадцать лет.

СИРЕНЬ

Моя сирень ещё не отцвела,
И бархат лепестков от ветра не осёкся.
Над ней кружит медовая пчела,
И слышен аромат, что в воздухе растёкся.

А изумруд её густой листвы,
Что мне не раз дарил мгновения покоя,
Слегка моей касаясь головы,
Пьянит меня опять, чтоб прорасти строкою.

И в той строке кипит вся жизнь моя,
От детства светлого до зрелости неброской.
Цветёт сирень. Она уж часть меня —
От кончиков ногтей и до спинного мозга!

ЗАВИСТЬ

Я благодарен зависти моей,
Она как кнут, как плётка-семихвостка,
Что подгоняет вялых лошадей,
Впряжённых в запылённую повозку.

Она на месте не даёт стоять,
Сорваться помогает с вязкой мели.
Завидовать не значит враждовать,
А лишь желать прийти к заветной цели!

Когда я вижу чей-нибудь успех,
Совсем не злоба мною управляет,
А зависть шевелиться заставляет,
Желать победы, думаю, не грех!

Завидую, но восхищаюсь я
Людьми, что эту зависть пробуждают.
И пусть меня вокруг не осуждают,
Что зависть к цели двигает меня!

ПЫЛЬ

Я прославляю пыль дорог,
Она ценнее звёздной пыли,
Она хранит тепло тех ног,
Что по дорогам проходили.

Она как Божия пыльца,
Что покрывает всё бывшее.
Нас ждут дорога без конца
И исповедь пред аналогом.

И все мы, превращаясь в пыль,
Собой дороги покрываем.
А вдоль дорог растут ковыль
И незабудка полевая...

Бегут столетия без конца,
Расправив, словно птицы, крылья,
И, по иронии творца,
Мы были, есть и будем пылью!

АПРЕЛЬ-СЕНТЯБРЬ

*Из конца в конец апреля путь держу я,
Стали звёзды и крупнее, и добрее.*

Б. Окуджава «Дежурный по апрелю»

*А я забыл, когда был дома,
Спутал ночи и рассветы.
Это омут, ах, это омут —
Бабье лето, бабье лето.*

И. Кохановский «Бабье лето»

В небесах поют свирели,
Подпевают им валторны.
В этом солнечном апреле
Слышен мне мотив задорный.

Он меня пьянит ночами,
А к рассвету пробуждает.
Он мне — крылья за плечами,
От ярма освобождает.

Наплевать, что на поверку
Листьями сентябрь кружит,
Слышу звуки флейты сверху,
И не так противны лужи...

Осень может стать весной,
Если крылья за плечами.
Я не знаю, что со мною,
Я дождей не замечаю.

Всю ненастную неделю,
В этот дождь осенний колкий,
Я гуляю по апрелю
Под мотив весенний звонкий.

ВРЕМЯ

Стустилось время. Стали вязки дни,
А ночи бесприютны, неглубоки,
И годы, словно бледные огни,
Мелькают, как зачитанные строки.

Тревогою пропитан каждый час,
Сомнение моим сознанием правит,
И жизнь, как будто скомканный матрас,
Уж не фиалкою давно благоухает...

Депрессия иль что-то там ещё,
Но, словно пылью, серою тоскою,
Меня накрыло пепельным плащом
И не даёт, всё не даёт покоя...

Но всё же, пусть нечасто, иногда
Судьба мне дарит солнце на ладони,
И дней унылых рвётся череда,
И лик сияет ярче на иконе.

Наверно, ради этих редких дней,
Залитых солнцем и покоем тихим,
Бредём мы по дороге из камней
Назло докучливой, бессмысленной шумихе.

* * *

Времена чёрно-белого фото
Беспрепятственно канули в Лету.
И ищу я со странной охотой
Дней ушедших скупые приметы.

Я листаю страницы альбома,
Чёрно-белые кадры тасую.
Мне здесь каждое фото знакомо,
Я и радуюсь, я и тоскую.

Я никак не могу наглядеться
На родные любимые лица.
И счастливое светлое детство
Наяву мне как будто бы снится.

Я шагаю вперёд с неохотой,
В днях ушедших ищу вдохновенья.
Времена чёрно-белого фото,
Возвратитесь хотя б на мгновенье!

МНЕ Б ВЕРНУТЬСЯ

Ах, сколько бы я отдал, если б мог,
О скольким бы пожертвовал! Но тщетно!
Я в прошлое бежал бы со всех ног.
Оно прекрасно, и оно священно!..

И я б укрылся в светлых тех годах
От серого зевающего быта
Там, где душа чиста и молода
И совесть между делом не забыта...

Ах, мне б вернуться к самому себе,
К наивному мальчишке из бывшего,
Где с бабушкой кормил я голубей
Под чистым небом цвета голубого.

Там даже беды, что, увы, порой
Мальчишку в годы те одолевали,
Мне кажутся забавною игрой
И могут вызвать только тень печали.

Но, может быть, совсем наоборот,
И нам не зря не открывают двери
В то прошлое, что в памяти живёт,
В безоблачность которого мы верим!

Вдруг стоит только в прошлое попасть —
Нас ожидает разочарованье.
Не должно время нынешнее клясть,
Всё это — бесполезное ворчанье.

Ах, мне б вернуться к самому себе.
Но не пенять на нынешнее время,
Мы выбираем путь в своей судьбе,
Свой каждый шаг лишь совести доверив.

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания — друзья мне, а не слуги,
Они защита, помощь в трудный час.
Подставят мне плечо, свои протянут руки
И от тоски спасут верней врача!

Они мне — свет во тьме и в жаркий день прохлада,
А в тупике — надежда на успех...
Они цветущий куст в глуши большого сада,
Сквозь слёзы пробивающийся смех.

Они всегда со мной, как жизнь бы ни менялась,
Вернее их, пожалуй, не найти.
За зрелостью, увы, всегда приходит старость,
Не потерять бы память по пути!

Увы, жизнь непроста, иною быть не может,
Она сюрпризов всяческих полна,
Но годы вдалеку бегут, и память всё итожит,
Всё мелкое смывая, как волна.

Моей душе милы дней прошлых очертанья,
Что, как дымы, взвиваются, маня.
Позволь же мне, Господь, хранить воспоминанья,
Не накажи беспамятством меня!

СВЕЧА

Я возвращаюсь, возвращаюсь, возвращаюсь,
Я возвращаюсь каждый день и каждый час
Туда, где я в ребёнка превращаюсь,
Туда, где для меня горит свеча.

И тот огонь мерцающий и слабый
Мне душу согревает много лет.
Ах, только б тень случайно не легла бы
На той свечи неугасимый свет!

Ах, только бы... Ах, только бы... Ах, только б...
Ах, только бы не гасла та свеча!
Я всё смогу и вытерплю всё стойко,
Лишь видеть тот огонь, как и сейчас.

СТАРЫЙ ДВОР

Я не люблю жару дневную,
Но в общем-то не в этом суть.
Под вечер я отправлюсь в путь,
Пойду на улицу родную!

Вот я иду не торопясь,
По тихим улицам шагаю.
Чтоб связь времён не прервалась,
Дорогу в детство пролагаю...

У перекрёстка старый дом.
И дворик, узкий, как линейка,
Мне было так просторно в нём.
Когда-то здесь была скамейка...

Как прежде, яблоня стоит,
Оберегая память детства.
Поры ушедшей чародейство
Она в ветвях своих хранит.

Дом ниже стали обветшал,
И даже сгорбился как будто.
Десятилетия спешат,
Но дом вовек я не забуду!

И сколько б лет ни утекло,
И как бы двор ни изменился,
Когда я здесь — душе светло!
Ведь я когда-то здесь родился...

И, покидая старый двор,
Воспоминания смакуя,
Закончив с прошлым разговор,
Слезу неожиданную смахну я.

* * *

Прощай, душевный неуют,
Я возвращаюсь снова в детство,
Туда, где в душу не плюют
И есть от всякой хвори средство!

Туда, где мама молода
И сердце с болью не знакомо.
Где счастье царствует всегда,
Витая рядом с нашим домом!

Я покидаю серый быт.
Спешу туда, где в небе солнце
Червоным золотом горит
Ярее царского червонца.

Туда, где зеленой трава,
Где птицы распевают звонче,
Не лгут поступки и слова
И даже сердце бьётся громче.

Туда, где я совсем другой,
Наивнее, честнее, чище.
Там, за волшебною рекой,
Меня тревоги не отыщут...

ПАМЯТЬ

Память шутки со мною шутит:
То сбежит, не сказав двух слов,
Напугает до самой жути,
То внезапно вернётся вновь.

Память, память, зачем тревожишь,
Обижаешь зачем меня?
Ты покинуть меня не сможешь,
Свет ушедшей поры храня!

Жизнь в беспамятстве мне не впору.
И к чему мне такая жизнь?
Находил я всегда опору
В давней правде, не в модной лжи.

Мне сегодняшний день порою
Будто в тягость. Зачем же так?
Память, я от тебя не скрою:
Жизнь в беспамятстве — сущий мрак.

Ты же мрак разгоняешь светом,
Так не гасни, тебя прошу!
Днём и ночью, зимой и летом
Только памятью я дышу!

Не сочтите всё это пошлым.
Память — словно в пути маяк.
Я в погоне за светлым прошлым,
Пробиваясь, иду сквозь мрак.

С ПЕРВЫХ НОТ

Мелодию узнаю с первых нот.
И за окном метель под Новый год,
И видятся людей мне вереницы,
Снующие по улицам столицы.

Вот спешно тащит ёлку гражданин,
Шампанское «Советское» под мышкой,
Прохожие торопятся вприпрыжку
На фоне разукрашенных витрин.

Вновь музыка и снега круговерть
Меня в волшебный танец вовлекают.
Лукашин Женя пьяненько икает
И думает: «Иметь иль не иметь?»

И Ленинград, похожий на Москву
Высотными панельными домами,
Как будто бы застыл в оконной раме
И навевает лёгкую тоску...

Всё светлое, забытое давно,
Разбужено мелодией знакомой.
...Я вглядываюсь пристально в окно
Давно не существующего дома.

ТУМАНЫ

Плывут туманы над рекой,
Плывут туманы.
Я чуть касаюсь их рукой —
Как будто тайны.

Тут мой захватывает дух.
И вот что странно:
Нежнее, чем лебяжий пух,
Плывут туманы.

И кажется: весь мир вокруг
Поёт осанну.
Любой другой случайный звук
Вберут туманы.

Вкушаю истинный покой,
Как будто манну.
Плывут туманы над рекой,
Плывут туманы.

РАССВЕТ

Небеса кровоточат зарёю,
Горизонта зияет разрез.
Утомлённо я веки прикрою,
Жар вбирая багровых небес.

Вот проходит минута, другая.
Синевы разливаются гладь,
Кровь зари разбавляя, смывая.
И небес уж почти не узнать...

Безмятежное, тихое утро.
Заливает лазурь небосвод.
Так природа чудесно и мудро
Тушит в небе горящий восход...

А когда заходящее солнце
Кровью вновь небеса обагрит,
Ночь чернильною тьмой разольётся,
Кровь заката в луне растворит.

Я рассветов люблю возгоранье
И закатов печальный огонь,
Знак награды мне и состраданья —
Лунный блик, что упал на ладонь...

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето запоздало.
Запоздало, но пришло.
И пусть тёплых дней так мало.
Право, сетовать грешно.

Слава Богу, хоть немного,
Хоть немного ясных дней
Озарят мою дорогу
В пору осени моей...

ОКТАБРЬ

Бабье лето недолго нас грело
Запоздавшим осенним теплом,
Тусклой свечкой оно отгорело
И меж пальцев водой утекло.

Вот октябрь спешит к середине.
Солнце светит, но греет едва.
И всё реже на тусклой картине
Бирюза поднебесья видна.

Тучи кружат, сгущаясь всё чаще,
Всё свинцовее, всё тяжелей.
Оттого ль память лета всё слаще
И грустящему сердцу милей?

ОПЯТЬ ВЕСНА

В мой городок опять пришла весна,
Опять бегут ручьи по тротуарам.
А город мой, поддавшись зимним чарам,
Не может пробудиться ото сна!

Он всё ещё не верит в то тепло,
Что обещают мартовские зори,
И, будто бы со здравым смыслом споря,
На мир глядит сквозь стылое стекло.

Не верит он в дыхание весны
И прозябает, сонный и унылый.
Устав от ласк зимы давно постылой,
Тревожные ночами видит сны...

Но дни идут, становятся длинней,
И солнце с каждым днём взбирается всё выше,
И город расправляет плечи — крыши,
Вбирая негу первых вешних дней.

Он будто молодеет на глазах,
Испариной весны он жадно дышит,
И перезвон капли ранней слышат
Все улицы и парки, и вокзал.

И я иду по улицам родным,
Разбуженным весеннею погодой.
И, словно тучи, отступают годы,
И грусть уносит ветром, словно дым.

Со мною рядом шествует весна,
Чуть пьяная от мартовской истомы.
Мы с ней уже не первый год знакомы,
Она со мной, как водится, нежна.

Пусть у весны моей недолгий век,
Дороги наши скоро разойдутся,
Зато ручьи ещё не раз прольются,
Как будто чьей-то юности разбег!..

А в город мой опять пришла весна...

А-ЛЯ ДРАЖЕ

Когда весна дошла до точки
И лето вот уже-уже,
Когда набухли жизнью почки
А-ля драже,

Когда, того не понимая,
Весна прощается со мной,
Я слышу в ветре песню мая
И летний зной.

Когда июнь листвой мне машет
И снова можно счастья ждать,
О том, что снег зимою ляжет,
Не надо знать...

ПЕЙЗАЖ

Левитано-чеховский пейзаж.
Над рекою солнце. Вечереет.
От реки прохладой нежной веет,
И над лугом — терпких трав купаж.

Посреди разросшегося луга
Две берёзки свечкою стоят,
И земля, не знающая плуга,
Примеряет вечера наряд.

Незаметно, тихо блекнут краски,
Сумерки накинули фату,
И, неспешный, флегматичный, вязкий,
Вечер разливает темноту.

Темнота вот-вот закат погасит,
Но заката тёплые лучи
Ненадолго вызолотят ясли,
Где телёнок жалобно мычит.

И прохожий, торопясь к ночлегу,
Всё-таки успеет ощутить
Эту ускользящую негу,
Что закат способен подарить.

А лучи слабеющего солнца
Миру завещают, как и встарь,
Веру в то, что поутру вернётся
Солнца пламенеющий янтарь!

Левитано-чеховский пейзаж.
Солнце над рекой почти не греет.
От реки прохладой нежной веет,
И над лугом — терпких трав купаж.

ОЖИДАНИЕ НОЧИ

День суматошный и рутинный,
И в чём-то, может быть, напрасный.
Весь город серою холстиной
Завесил вечер безучастный.

И, приглушив дневные краски,
На город сумерки спустились,
Шагает вечер без опаски,
Дневную дрёму пересилив.

Я ночи жду как избавленья
И в сумерках ищу покоя.
Заката медленное тленье
За горизонт течёт рекою.

Так сумерки перетекают
В глухую ночь, как в чёрный омут,
И город, словно в тушь макая,
Как будто погружают в кому.

Не дарит ночь успокоенья,
Под окнами разлившись мглою,
Пронзает месяц средостенье
Своею острою иглою.

Увы, и тишина ночная
Совсем не дарит мне покоя.
Ночь в чёрный бархат облачает
Мой тихий город над рекою.

Но незаметно, постепенно
Боль затихает за грудиной.
Ночь воздвигает к небу стены
За незадёрнутой гардиной.

За незадёрнутой гардиной,
Среди густеющего мрака —
Ночного города картина
С отливами печного лака.

ЛУНА

Безветрие. Мороз. Как раз посередине
Расколотый январь, заснеженный, седой.
И царственно луна плывёт на белой льдине,
И звёзды-градины за нею чередой.

Безветрие и тишь. Минуты до рассвета.
А может, целый век ещё рассвета ждать.
Надменная Луна, царицей разодела,
На бархате небес желает возлежать.

Но время истекло, её наряд бледнеет,
И гаснет звёздный свет серебряной фаты,
Но всё же иногда завидую луне я,
Что царствует в ночи средь звёзд и темноты.

Пусть серебристый свет теплом не согревает,
Луна в себе несёт заклęcia печать,
Но тайною своей, как прежде, привлекает,
Нам душу берedit «полночная свеча».

Она глядит с небес, мне навевая строки.
Я вижу из окна её размытый лик.
С Луною мы близки. Мы оба одиноки.
Трепещет на стене её дрожащий блик.

Прощается со мной, рассвету уступая,
И, царственно горда, скрывается с небес...
Я ж буду ночи ждать, опять часы считая,
Чтоб окунуться в ночь, как в сонмище чудес...

ОДНОКОРЕННЫЕ

И. Портнягину

Не двоюродные и не родные —
Нам обоим следует признать.
Но зато мы однокоренные —
То, что и сумело нас связать!

В чём-то мы, конечно, не похожи.
В нас различий больше. Что сказать?..
Но зато душою, словно кожей,
Рифмы оба любим осязать!

Любим ритм ловить до упоенья,
Любим слово точное искать.
Будто для всемирного спасенья,
Любим в душах искру высекать!

Ну а не получится — так что же?
Мы стихи не прекратим писать.
Этим мы особенно похожи,
Это и сумело нас связать!

**ПАМЯТИ
КОНСТАНТИНА РАССАДИНА**

Его фигуру спутать не смогу.
И позабыть, пожалуй, нету мочи.
Вот под иконой чудится в углу...
За что его Ты так, мой Авва Отче?!

Неужто Ты согнул его в дугу
Лишь для того, чтоб стала рифма звонче?
И верю, и поверить не могу!
За что его Ты так, мой Авва Отче?!

Засела эта мысль в моём мозгу,
И как бы ни хотелось мне пророчить...
Я не единой буквою не лгу!
Ах, как его Ты выделил из прочих?!
И вот уж он споткнулся на бегу...
О частокол небесных многоточий...

Но в памяти своей я сберегу
Всю боль и совесть выстраданных строчек,
Пестрят они следами на снегу...
Его Ты обессмертил, Авва Отче...

БУЛАТ

Маленький, хмурый, лобастый,
Сосредоточенный взгляд.
Как тебе шло улыбаться
Лет этак тридцать назад...

Вот ты неспешно шагаешь,
Память мою беребя.
Знаешь, я чувствую, знаешь,
Как не хватает тебя!

Вдумчивый, строгий, печальный,
Ты наш Арбатский Сократ!
Песнями, словно лучами,
Грел нас лет сорок назад...

Звуки теперь их поглуше.
И почитателей круг
Сузился нынче на Груше
Так неожиданно. Вдруг!

Да, я расстроен, ребята,
Но и по-своему рад.
Время уходит Булата,
Явится новый Булат!

Будут совсем не похожи
Голос его да и взгляд.
Хлынут мурашки по коже,
Как и полвека назад!

ДВУХТОМНИК

О. Берггольц

Держу в руках я старенький двухтомник,
Здесь мелкий шрифт и небольшой тираж.
И всё-таки какой же он огромный!
Не брежу я, слова мои не блажь...

Держу в руках я исповедь блокады,
Все девятьсот ужасных, страшных дней.
Держу в руках я совесть Ленинграда.
И что-то просыпается во мне.

Вот женщина худая, как тростинка,
Она без сил, едва-едва стоит.
И тонкой серой шали паутинка
В порывах ветра злобного дрожит.

Стоит она, как будто чуть живая,
Но взгляд её, как невский камень, твёрд.
В руке бессильной край платка сжимает,
Глядит с тоской на тусклый невский лёд.

Ей выжить суждено в блокадной стыни,
Средь ужаса бомбёжек и смертей.
Вот только жаль — уже не помнят ныне
Стихов её в бездарной суете.

Но те, кто помнит, кто сегодня помнит,
Кто верен памяти своей страны,
Возьмут из шкафа старенький двухтомник
И вновь стихами будут спасены!

СНЕГ

Белый снег, как пух лебяжий,
На твои ложится плечи.
Подчиняясь чьей-то блажи,
Нескончаем, безупречен.

Оседая беспрестанно,
Останавливая время,
Снег поёт любви осанну,
Отворяя в небо двери.

Мы стоим с тобой, обнявшись,
Под февральским снегопадом,
Что-то будет с нами дальше,
И как долго будем рядом?

Нас с тобой навечно свяжет
Этот чудный зимний вечер.
Белый снег — как пух лебяжий —
Расставания предтеча...

ВЗГЛЯД

Что могут зарифмованные строки?
Гораздо меньше, чем, к примеру, взгляд!
Ну а слова, добры или жестоки,
Увы, гораздо меньше говорят!

Один лишь взгляд намного больше скажет,
Чем сотни строк, написанных тайком.
Взгляд разлучит иль вдруг навеки свяжет
С тем, чья душа покуда под замком!

И вот он твой. Он стал других дороже,
Давно знакомых и совсем родных.
Один лишь взгляд, и, с ним срастаясь кожей,
Ты будто позабыл про остальных...

Один лишь взгляд, вас в мире только двое.
Пусть только на мгновение, пусть так.
Двух взглядов перекрестье роковое
По меркам жизни вовсе не пустяк.

Мгновение, что длилось бесконечно,
Как взмах ресниц, внезапно прервалось,
Вас тут же разлучило бессердечно
И ссадиной на сердце запеклось...

Мы будто в перекрестии прицела.
Взгляд может ранить, может излечить.
Не сомневаясь, заявляю смело:
Один лишь взгляд заставить может жить!

ДОЛЮБИТЬ

Я локонов давно не целовал,
И плеч твоих губами не касался.
Я много лет в бесчувствии проспал
И будто бы проснуться опасался!

Дыхание не грело мне висок,
И бисер пота в пальцах не терялся.
И время, уходящее в песок,
Моей любви не оставляло шанса...

Ты где-то есть, ты помнишь обо мне,
Хоть затерялась меж неровных строчек.
Так почему, по чьей это вине
Тоска мне сердце разрывает в клочья?!

Я так хочу хоть что-то наверстать,
Вернуть, успеть, дочувствовать, додумать
И долюбить, и досуществовать,
Пока ещё не превратился в гумус!

* * *

Верно, в детстве он мечтал о большем,
Может быть, хотел писать стихи,
Не хочу его я труд опозлить,
Не нужны мне лишние грехи.

Знаю я, что каждый труд почётен,
Знаю, каждый труд необходим,
Но когда мои стихи прочтёте,
С вами мы иначе поглядим.

Не сужу. Судить кого-то глупо.
Не сужу, но не могу понять,
Как всю жизнь вскрывать, простите, трупы
И ночами преспокойно спать?!

Да, он врач, да только он не лечит.
Он в халате, в белом колпаке.
У него натруженные плечи,
Скальпель окровавленный в руке.

На губах застывшая улыбка...
Кафель на стенах, такой же пол...
Чья-нибудь врачебная ошибка —
И айда на секционный стол.

Ну а он вас там радушно встретит,
Ваш последний доктор на земле,
В секционной ярко лампы светят,
И начнётся ваш «парад-алле»...

В детстве, верно, он мечтал о многом
И не думал жмуриков вскрывать.
Но поскольку все живём под Богом,
Нам своей судьбы не угадать!

Не предвидеть, как бы ни хотелось,
Не узнать заранее судьбы,
Потому-то жить — большая смелость,
Зная наперёд исход борьбы!

* * *

Давай с тобой машину разобьём!
Пусть за баранкой никого не будет,
А РосГосСтрах нас денежками ссудит,
Долларами, а можно и рублём!

Давай с тобой квартиру подожжём!
Всё ценное попрячем у соседей,
А после живо в новенькую въедем,
Ну, может, лишь чуточек подождём...

Давай с тобой детишек украдём!
А попросту их увезём на дачу
Иль даже лучше: их у тёщи спрячем,
Получим живо выкуп и вернём!

Да ты не бойся! Украдём своих!
Нежданные каникулы устроим,
Подумаешь, ментов побеспокоим,
А денежки поделим на двоих!

Ты плачешь и твердишь, что нет авто,
Как, впрочем, нет давно уже квартиры,
И наши дети — взрослые кретины —
Её давно пропили... Ну и что?!

И пусть пристанище нам нищенский приют,
Пусть навсегда мы в этой богадельне,
Пусть пенсию, как прежде, отберут,
Зато живём мы в комнате отдельной,
Зато нас дети пьяные не бьют!..

Зато мы навсегда с тобой вдвоём,
Теперь наверняка до самой смерти.
И нам помогут ангелы иль черти —
Мы главврачу машину разобьём!

ПРО ПРИНЦЕССУ

В некоей очень средней школе,
В некоем очень среднем классе,
Там, где знания, поверьте,
Тоже средние, увы,

Мальчик в девочку влюбился,
И за что — совсем неважно,
Важно то, что он влюбился,
И решил, что навсегда!

А она так не считала,
А она жила мечтою,
Что ночами ей являлась
Средь полночной тишины...

В полуснах и в полугрёзах
Девочке не мальчик снился,
А являлся Принц прекрасный,
Что нельзя и описать!..

И в мечтах он появлялся
То в роскошном «мерседесе»,
То в крутом кабриолете,
На худой конец — верхом!..

Ну а мальчик не был принцем,
Не был сыном олигарха.
Папа их давно уж бросил,
Мать уборщицей была.

Чтобы поразить девчонку,
Не имел он «мерседеса»,
До её добраться дома
На маршрутке только мог.

Он писал стихи девчонке
От души, но неумело,
И, своей любви стесняясь,
Не решался показать.

Время шло, текло незримо.
Всё менялось незаметно,
И вот так же незаметно
Наши дети подросли.

Дождалась девчонка принца,
Правда принц был вдвое старше,
Но зато был на «тойоте»,
Ну, почти что олигарх...

Он любил её, пожалуй,
Называл «мой лягушонок»
И, имея две заправки,
Двух любовниц содержал.

Ну а мальчик звался Митей,
Не был вором и барыгой,
После армии женился,
Ну, почти что по любви.

Автослесарем работал,
Двух воспитывал дочурок
И ходил по воскресеньям
Регулярно на футбол.

И однажды, так бывает,
В СТО, где он работал,
Ремонтировать «тойоту»
Притащился «олигарх».

А Митяй узнал барыгу,
И любовь свою в «тойоте»
С синяком под левым глазом
Он в салоне увидал.

Лишь тогда Митюня понял:
Быстро портятся принцессы,
Для простой, обычной жизни
Зачастую не годны.

Он печально улыбнулся,
Сделал вид, что не заметил,
И пошёл работать дальше,
Иномарку починять...

НЕ ДУМАЙТЕ!

*Не надо сравнивать прошлое
с сегодняшним днём.*

**Прямая цитата из заключительной речи
ведущего передачи «Агора»
на канале «Культура» М. Швыдкого**

Михал Ефимыч, Вы большой учёный,
В науках Вы познали высший толк.
А я тупой, безграмотный, никчёмный.
И в этой жизни ничего не смог!

Не надо думать! Вы всё объясните!
И сравнивать — да упаси нас Бог!
Виднее Вам, Вы в президентской свите,
Вы для людишек больше чем пророк!

А если все начнут, простите, думать,
Забудут принцип: «Каждому своё!»?
Ведь мы для Вас, увы, всего лишь гумус,
Вонючее, но нужное сырьё...

Куда нам думать, сравнивать — тем паче!
«Смотрите телек, жуйте бутерброд».
А «смысел» жизни в Вашей передаче
Вы, разжевав, засунете нам в рот.

А тех, кто вспоминает о хорошем
И сравнивает (Боже упаси!),
Кому противны нуворишей рожи,
Всё меньше остаётся на Руси!

Всё больше тех, кто думать не умеет,
Кто лишь для жрачки открывает рот.
И вот таких безропотных пигмеев
Вы подло выдаёте за народ.

Вам кажется, что Вы ещё в зените,
Жизнь удалась, и Вам сам чёрт не брат,
Но верю я: Вы беспокойно спите,
Вам вечерней мерещится набат...

* * *

Мы, рассуждая о свободе,
Шагаем в рабство день за днём,
От света в темноту уходим
И будто в мороке живём!

Всё раболепнее и гаже
Влачится жизнь из года в год.
И до беспамятства продажен
Великий некогда народ!

И нет ни Родины, ни флага,
И совести давно уж нет.
Грааль теперь всего лишь фляга,
Тень исчезающих легенд...

А новомодные мессии
Вещают нам наперебой,
Как хорошо теперь в России
Живёт практически любой.

Вещают, а в кармане — фига,
И мысль: не встать стране с колен!
И доморощенное иго
Ведёт нас вновь в позорный плен...

Но нет, шалишь! Не всё сломалось,
Не бесконечны дни чумы!
Вернётся совесть. Эта малость
Вновь всколыхнёт людей умы!

Да что умы! Воспламятся
Сердца и души! И тогда
Вновь светом духа озарятся
Деревни, сёла, города!

Но, чтобы это всё приблизить,
Преступно просто тупо ждать
И лишь мечтать о рае*.

Россию надо возродить!

* Рай — в переносном значении «счастливая жизнь, восхитительная местность, называемая раем».

КНИЖНЫЕ ПОЛКИ

Скрипят переплётёты нечитанных книг,
Страницы томятся в неволе:
— Возьмите нас в руки хотя бы на миг!
Доколе томиться, доколе?

Мы тлеем без тёплых читательских рук,
Мы сохнем, как колос под зноем.
Годами мечтаем, что выберут вдруг,
А мы уж объятья откроем!..

Уж мы распахнём переплётёты свои.
Вкушайте волшебные строки!
Вот с этих страниц говорит Навои,
Чей гений взошёл на Востоке.

А этот багряный, как кровь, переплёт
Таит мушкетёрские страсти,
А в томе соседнем морской галиот
Разбился о рифы на части.

Вот полка повыше. Солдатами в ряд
Стоят здесь тома Жюль Верна.
Тисненья, как будто погоны, горят,
Впустую сверкают, наверно...

Но всё же мы верим, мы верим и ждём,
Что в наши читальные залы
Сквозь топи и тернии скуки и дрём
Зайдёт к нам какой-нибудь мальч.

Вдруг с полки кого-то из нас он возьмёт,
Обложки коснётся рукою...
И вздрогнет, очнувшись от сна, переплёт,
С шуршаньем страницы откроет...

Воспрянет с надеждою каждый стеллаж
В смятенье негаданно-сладком,
И голос раздастся на целый этаж:
— Тут список на лето в тетрадке...

АССОЛЬ

*Забывтая Ассоль, не встретившая Грея.
Жизнь обожгла, как яростная соль.
Зря взглядывалась в даль —
прошли года, мелея:
герой на берег не сошёл.
Иные корабли входили гордо в бухту,
и, чтобы одолеть привычную тоску,
она придумала спасительную шутку:
«Я никого не жду!»*

Штурман Дюк

Один хохмач неумно пошутил:
Ассоль-бедняжка не дождалась Грея
И, раненую душу ромом грея,
Прославилась средь портовых кутил.

А добрый Грей забыл свою любовь
И променял на выгоду и прибыль,
И девушке несчастной на погибель
Ей предпочёл финансовый улов!

Такого быть не может, в этом суть!
И светлая Ассоль дождалась Грея!
И паруса «Секрета», кровью рдея,
Её мечты не могут обмануть!

Кто думает иначе, тех мне жаль.
Душа у них утратила крылатость,
Для них мечтательность — чудаковатость,
Их не влечёт неведомая даль...

Пусть в зорьке алой мнятся паруса,
Пусть юность не теряет веры в чудо,
А я своей мечты не позабуду:
«Ребята, надо верить в чудеса!»

К.Ф.И. ФОН МЮНХГАУЗЕН

Вокруг твердят: «Он врун и балаболка,
Мол, рассказы не стоят и гроша.
Давно побита молью треуголка!..»
Pardonne-moi, такие антраша!

Ну, что же, господа, не буду спорить,
Решает каждый, верить или нет...
Но памятен я туркам на Босфоре
Как минимум уж два десятка лет!

В России вспоминают, безусловно:
Не так давно в нешуточный мороз,
Оберегая нежно, как мадонну,
Я Софью-Фредерику им привёз.

Вишнёвые деревья на оленях.
Полёты на ядре. Кто их считал?
В камине расцветают на поленьях
Тюльпаны, раскалившие металл...

Сижу в высоком кресле у камина.
Со мною трубка. Крепкий кофе пью.
И тени на стене, как будто мимы,
Мне исполняют партию свою.

В движении причудливом и странном,
В загадочном сплетении теней
Видения приходят постоянно
Из жизни давней, прожитой моей.

И так один среди воспоминаний,
Как будто в ссылке, коротаю дни.
Всё жду, когда же прошлое восстанет
Средь ярких грёз и гулкой тишины...

Нанизанные на верёвку утки,
Две половинки лошади моей...
Для вас всё это рассказы и шутки,
А для меня же — память прошлых дней!

Когда-нибудь, пожалуй, через годы,
Европой овладевшие умы
Поймут всю ценность истинной свободы,
Пока что недоступную, увы!

И лишь тогда все оценить сумеют
Правдивые истории мои.
Ну а пока в камине тихо тлеют
Поленья, а точней — уже угли...

Остыл камин. И трубка не дымится,
Неторопливо поправляю плед.
Спокоен я, ведь жизнь моя продлится
В той книге, что ещё увидит свет!

НА ПРОДАЖУ

Лукавых глаз твоих прищур знакомый
Под тяжестью сократовского лба.
Уже не выйдешь ты из вечной комы.
За что тебе подобная судьба?

И сам не рад, что, превращённый в фетиш,
Лежишь уж скоро будет сотню лет..
Я думаю, ты до сих пор не веришь,
Что превратился в культовый объект.

Ты видишь всё: людей бредущих толпы,
Рассветы и закаты над Кремлём,
А сам лежишь внутри стеклянной колбы,
Бессмертием окаянным заклеимён.

Я думаю, наверно, очень скоро
Твой прах земной достанут из яслей,
И прагматичных плутократов свора
По-новому «освоят» мавзолей!

Там будет супермаркет или даже
Бордель элитный, может быть, кабак.
Что ж, власть спешит нести всё на продажу,
Вот только не насытится никак...

БЕЗ СЛЕДА

Мой город исчезает без следа,
Меняясь на глазах бесповоротно,
Но память занимает оборону,
Его оставив в сердце навсегда!

Вот также «исчезают» города,
Воспламеняясь шрамами пожаров,
Растут ряды кафешек, клубов, баров;
Такая вот культурная среда...

И Сызрани меняется лицо,
От вычурно убогих новостроек
Его «ведёт», как от кишечных колик,
Старанием бессовестных дельцов.

Мелеют реки. Старые дома
Как будто ненароком исчезают.
И боль иглою острою пронзает,
И на душе моей царит зима...

Но я свой город всё же сберегу
В стихах моих, как в лаковой шкатулке,
Все улочки его и переулки
Спасти я от забвения смогу!

* * *

Счастье моё ты грустное,
Родина захолустная,
Мой городок, затерянный
На карте большой страны.
Но я здесь живу и верю я,
Что жизнь не годами меряют,
Вернётся ещё феерия
Из давней моей весны!
Из давней моей весны...

Счастье моё ты грустное,
Родина захолустная,
Город, что точкой кажется
На карте большой страны.
Дни тянутся вязкой кашицей,
Со счастьем не всё здесь вяжется,
Но в будущем всё уляжется —
Надеяться мы должны!
Надеяться мы должны...

Счастье моё ты грустное,
Родина захолустная,
Мой городок, затерянный
На карте большой страны.
Заброшенный и похеренный,
Запущенный и растерянный,
Восстанет из пепла, верю я,
Об этом мне снятся сны,
Об этом мне снятся сны,
Об этом мне снятся сны...

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Преемственность не модное словцо.
Оно давно уж многими забыто.
Продолжить дело дедов и отцов,
Открыть всё то, что ими не открыто,

Мечтою жить, что раньше их вела,
Заботы их себе взвалить на плечи —
Вот в чём всегда преемственность была,
Но ныне не слышна в обычной речи.

Так мой отец, а ранее и дед,
Трудились на заводе год за годом,
И вышло так, что я уж двадцать лет
Не расстаюсь с прославленным заводом!

Река времён бежит себе вперёд,
И лет спешат бурлящиеся воды,
Но, как скала, стоит родной завод,
Всё пережил он — славу и невзгоды!

Пора войны и много разных бед,
И это мой завод не миновало.
Но выстоял ТЯЖМАШ, и дедовский завет —
Преемственность его всегда спасала!

По городу разносится гудок.
Опять спешат рабочие на смену.
Стоит завод торжественен и строг,
Он гордо висит заводские стены!

ГОРОД-ГОРОДОК

Родной мой город! Город-городок,
Ах как я был тобою избалован!
Порою трудно подобрать мне слово,
Как без тебя бываю одинок!

Порою трудно слово подобрать,
Чтоб выразить всю боль мою и нежность,
Печальную разлуки неизбежность.
Не дай мне, Бог, мой город потерять!

И всё же он уходит от меня,
Весь обрастая новыми домами,
Но парками скудея и садами,
Лишь памятью ушедшего маня...

Не дай мне, Боже, память потерять,
Она одна меня ещё связует
С тем городом, что в прошлом существует.
Он дорог так, что слов не подобрать!

Ах, милый мой, родимый Сызрань-град!
Ты уж не тот, ты сильно изменился,
Но я с тобой своею кровью слился,
Ты мне навек отец и мать, и брат!

В потоке надвигающихся строк
Я знаю, что моё совсем не ново
Банальное рифмованное слово.
Простите мне мой тривиальный слог...
Ах, город Сызрань, город-городок!..

СОДЕРЖАНИЕ

Храм души	3
Буква «Р».....	4
Кредо.....	5
Неужели	6
Детство.....	7
Душа.....	8
Простите!.....	9
Под колючкой.....	10
Ветераны	11
Облака	12
Крошки.....	14
Вечеря	15
Иерусалим.....	16
У подножия	18
Серебряные струи.....	19
Верёвка	20
По Библии	21
Черновики.....	22
Рифмы	24
В средостении	25
Строки.....	26
Рифмованные строчки.....	28
Поэзия.....	29
Дорога	30
Мосток	31
Разговор с ветром	32
«Я так хочу не думать ни о чём...»	34
Ночью	35
Мечта и совесть	36
Позабыв.....	38
Рожица.....	39

Опоздал.....	40
Совсем недавно.....	41
Валторны.....	42
Сирень.....	43
Зависть	44
Пыль	45
Апрель-сентябрь.....	46
Время	47
«Времена чёрно-белого фото...».....	48
Мне б вернуться	49
Воспоминания	50
Свеча	51
Старый двор.....	52
«Прощай, душевный неуют...»	53
Память	54
С первых нот.....	55
Туманы.....	56
Рассвет	57
Бабье лето	58
Октябрь	59
Опять весна.....	60
А-ля драже.....	62
Пейзаж.....	63
Ожидание ночи.....	64
Луна.....	65
Однокоренные	66
Памяти Константина Рассадина	67
Булат.....	68
Двухтомник	69
Снег	70
Взгляд	71
Долюбить.....	72
«Верно, в детстве, он мечтал о большем...»	73
«Давай с тобой машину разобьём!..»	74
Про принцессу.....	75

Не думайте!	78
«Мы, рассуждая о свободе...».....	80
Книжные полки	82
Ассоль	83
К.Ф.И. фон Мюнхгаузен	84
На продажу	86
Без следа.....	87
«Счастье моё ты грустное...».....	88
Преемственность.....	89
Город-городок	90

Игорь Давыдович Рабштейн

ПЫЛЬ ДОРОГ

Стихи

Редактор — *О.А. Портнягин*

Корректор — *А.А. Сыромятников*

Компьютерная вёрстка — *А.В. Громов*

Издание подготовлено
творческим объединением

«Русское эхо»

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон: (846) 333-48-01; www.litsamara.com

e-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 14.07.2021. Формат 84х108/32. Усл. п.л. 4,93.

Печать офсетная. Тираж 180 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.